

Неизвестная статья Пушкина?

Когда в конце 1829 года вышел перевод «Илиады» Гомера Н. Гнедича, в печати появились многочисленные отзывы. Первым откликнулся на это событие А. С. Пушкин краткой рецензией в «Литературной газете» («Литературная газета» 1830, 6 января, № 2).

Все отзывы на труд Н. Гнедича учтены библиографами, вошли в справочные издания, широко комментировались историками русской поэзии, но один вопрос до сих пор оставался невыясненным. Среди рецензий есть очень содержательная статья, подписанная криптонимом А. Б. (журнал «Вестник Европы», 1830, № 3). Известный библиограф С. Полторацкий, современник Пушкина, выделил ее из всех откликов как наиболее значительную. Однако позже об этой статье как-то забыли, и загадочное имя рецензента «Илиады», укрывшегося под псевдонимом А. Б., свисе полутора зевков оставалось нераскрытым.

А между тем есть достаточно оснований, чтобы высказать гипотезу о том, что статья эта принадлежит перу А. С. Пушкина.

Известно, что Н. Гнедич поддерживал дружбу с А. С. Пушкиным.

«Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем, т. I и II, в СПб. 1829.

Гомерова Илиада. Благодарность, честь и слава господину Гнедичу! Потрудившись более 20 лет, он представляет публике нашей книгу, которая останется украшением словесности русской, памятником дарований и свидетельством заслуг почтенного перелagателя.

Знавши Илиаду по отрывкам, помещенным в разные времена в разных журналах, можно было надеяться, что г. Гнедич разовьет перед нами величественный мир Гомеров с искусством знатока художника. Общее ожидание оправдалось вождленным успехом. Илиада перед нами! Остается теперь, чтобы литераторы наши обратили на нее внимание, достойное столь важного подвига: время приступить к суждениям и решить некоторые спорные пункты о существе деле в нашей литературе, где донные раздаются звуки лишь от ребяческих побрякушек... Г. Гнедич в любопытном предисловии своем к Илиаде, поучительно беседуя с читателем, улаждая душу его красноречивым изложением мыслей своих и мнений, достигших полной зрелости от размышлений дол-

кимым на протяжении долгих лет.

Великий поэт долгие годы нетерпеливо ожидал появления перевода «Илиады». 23 февраля 1825 года он пишет Н. Гнедичу: «Брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический европейский подвиг в нашем отечестве».

И как только перевод «Илиады» вышел в свет, поэт поспешил уведомить об этом общественность, опубликовав краткое объявление-рецензию в «Литературной газете» с обещанием позже поместить в этой же газете более пространное рассмотрение труда Н. Гнедича. Однако в «Литературной газете» обещанной рецензии в дальнейшем не появилось. Если же скрупулезно сравнить краткий отклик А. Пушкина со статьей, появившейся в «Вестнике Европы» под псевдонимом А. Б., то нельзя не предположить, что автор двух материалов один и тот же — столь близки они по тексту. Видимо, эта схожесть и не позволила поэту опубликовать расширенную рецензию в том же издании, и он предложил ее «Вестнику Европы». Отчего же великий поэт решил скрыть свое имя, остаться неузнанным?

Сделал он это, видимо, по ряду причин. В «Вестнике Европы» М. Каченовского печатались статьи, рецензии и эпиграммы, направленные против Пушкина. Сам поэт написал множество эпиграмм на Каченовского. Публикация статьи о Гнедиче в этом журнале могла вызвать удивление и недовольство друзей поэта. И, наконец, в статье А. Б. содержался серьезный упрек Гнедичу в том, что он не принял новой орфографии. Видимо, А. Пушкин хотел сделать эти замечания анонимно.

Криптоним А. Б. тоже нам знаком. Известно, что им Пушкин воспользовался и в 3-м номере журнала «Современник» за 1836 год (см. «Письмо к издателю»).

Теперь обратимся к текстуальным совпадениям рецензии А. Б. с достоверными статьями Пушкина: «Илиада перед нами», «важный подвиг», «ожиданный перевод», «ожидание оправдалось вождленным успехом».

«Пускай себе скороспелые умники наши и романтические гении, следуя примеру Лисицы, брезгут виноградными кистями ради мнимой незрелости: они могут говорить, что им

удочно и писать, как угодно» (Сравни: «Я, взяв уловку лисью, сказать бы мог: нет, кисел виноград»). «Провел счастливо (с Гомером.— И. Т.) долгие годы» (Сравни: «С Гомером долго ты беседовал один, Тебя мы долго ожидали...»). «С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта», «Благодарность, честь и слава г. Гнедичу!» (Сравни: «Честь и слава Языкову!»)

А. Б. называет перевод «Илиады» «памятником дарований». В письме 1831 г. Пушкин, отвергая суждения П. Я. Чаадаева о Гомере, назвал «Илиаду» «великим, историческим памятником». В статье А. Б. обнаруживается пристрастие к вопросам русской орфографии. В «Письме к издателю» («Современник», 1836, № 3), опубликованном, как вы помните, за той же подписью А. Б., Пушкин также выразил это пристрастие:

«Но вы несправедливо сравнили гонение на сей и оный со введением i и v в орфографию русских слов...»

Не буду продолжать приводить примеры, скажу лишь, что все магистральные идеи, выраженные в рецензии поэта в «Литературной газете», совпа-

дают со статьей о Гнедиче, опубликованной в «Вестнике Европы», до мельчайших деталей по идеям, мыслям и фразеологически и развивают все ее основные положения.

Что же мешало раскрыть авторство великого поэта раньше? Видимо, взаимоотношения Пушкина с издателем журнала М. Каченовским, которые всегда расценивались как отрицательные. Между тем Пушкин писал к жене 30 сентября 1832 г. о дружеской встрече с М. Каченовским в Московском университете: «Разговорились с ним (Каченовским.— И. Т.) так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления». Известен и одобренный отзыв Каченовского о Пушкине вскоре после смерти поэта.

Знал ли Каченовский фамилию настоящего автора рецензии на «Илиаду», остается неизвестным. Но зато достоверно известно сугубо положительное, дружеское отношение Каченовского к Гнедичу. Об этом свидетельствует их переписка. Этим, видимо, и объясняется появление статьи Пушкина в «Вестнике Европы».

Ниже публикуется полный текст статьи.

современных, как бы вызывает на состязание людей сведущих: не просит о снисхождении, а требует просвещенного суда, который, как думает г. перелagатель, окажется не одному ему полезным: ибо «суждение есть жизнь словесности».

Г. Гнедич наполнен духом своего автора; любит его как наставника и товарища, с которым провел счастливо долгие годы; коротко знает героев его, знает и какими представили их Поп, Чезаротти, Фосс, и по справедливости негодует на тех, которые проповедовали нам оскорбительную нелепость, якобы перевода Гомера, надобно подлинник приноравливать к стране и веку, в котором пишут. По сим причинам г. Гнедич, отбросив язык гостинных, передает нам Гомера в такой речи, которая наиболее приближается к тону его поэмы: не пренебрегает народными словами, когда ими изображаются самые простые действия; пользуется даже областными выражениями, когда видит возможность или удобный случай напомнить ими, что и подлинник Илиады является нам в испещренном виде разных наречий. Впрочем, главнейшими причинами перевести так, а не иначе, были для г-на Гнедича священные

обязанности: верность, строжайшая точность, — благороднейшее, оправданное долговременным терпением желание представить соотечественникам своим древнего автора именно похожим на самого себя в малейших чертах и во всех подробностях. На сей конец избран им и Русский Екзаметр, во многом сходный с греческим. Жалею, что почтенный переводчик не принял другой орфографии для своей Илиады: Гнедич не затруднился бы угадывать, где ставить должно фиту вместо Ф, или V вместо И. Пример Тредьяковского для него ни мало не опасен. Пускай себе скороспелые умники наши и романтические гении, следуя примеру Лисицы, брезгут виноградными кистями ради мнимой незрелости: они могут говорить, что им угодно, и писать, как угодно.

Илиада принесла бы словесности нашей сугубую пользу, утверждая такую орфографию, посредством коей читатель русский, подобно француз и немцу, мог бы отличить слова греческие. Мы же имеем к тому все средства».

Публикация
И. ТРОФИМОВА.